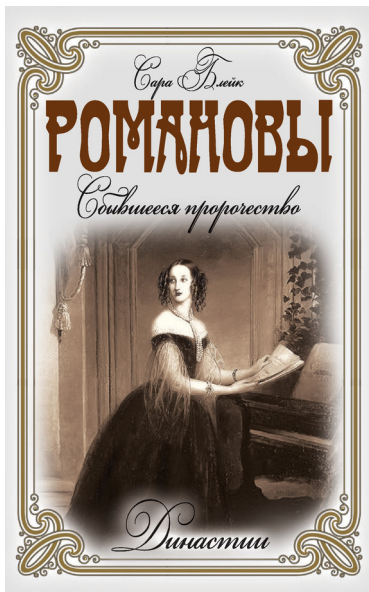

Сара Блейк
Романовы. Сбывшееся пророчество
Серия «Династии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356385
Романовы. Сбывшееся пророчество: РИПОЛ классик; М.: 2013
ISBN 978-5-386-06481-5

Аннотация

В 1614 году на одной из московских площадей русский народ стал свидетелем необычного зрелища: казнили трехлетнего мальчика, приговоренного к смерти, как особо опасного преступника. Это был сын авантюристки и чернокнижницы Марины Мнишек, жены Лжедмитрия. Мнишек не простила новому царю расправы над сыном и перед смертью прокляла весь род Романовых, предсказав, что ни один из них не умрет своей смертью, а убийства будут продолжаться, пока все Романовы до одного не исчезнут с лица земли. Так и вышло. Триста лет правила династия Романовых, но история рода закончилась ужасной трагедией на последнем русском царе Николае II... Кто был виноват в этом? Неужели все дело в проклятии? До сих пор многие тайны рода Романовых не раскрыты. В этой книге развеиваются многие мифы, которыми покрыта тайна этой венценосной семьи, раскрываются истории жизни царей и цариц и тайны их странных смертей. Читатель возвращается в прошлое, чтобы своими глазами увидеть события, произошедшие много лет назад.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сара Блейк

Романовы. Сбывшееся пророчество

Глава 1

Страшное пророчество

Был обычный, мало чем отличающийся от других, вечер. Марина, изрядно утомившаяся от охоты, мечтала об отдыхе. Однако настроение ее было приподнятым – она присмотрела себе милейшую собачонку, щеночка из нового помета. Борзая должна из нее получиться отменная.

Плотно отужинав в компании своей сестры Урсулы Вишневецкой и ее мужа Константина, а также его брата Адама, Марина незамедлительно отправилась в свои покои. Она неспешно приблизилась к шикарной дубовой кровати, застеленной красивым атласным бельем. Кровать манила ее в свои объятия. Марина сбросила с себя тесный мальчишеский охотничий костюм, надела прозрачную рубашку и принялась расчесывать свои роскошные густые волосы за туалетным столиком. Не успев заплести косу, она услышала какой-то шорох со стороны окна. Марина не придавала этому особого значения и продолжила заниматься своим делом. Но ее боковой взгляд уловил некийдвигающийся объект – в окно была заброшена записка. Вслед за этим послышались учащенные шаги убегающего «почтальона».

Марина была совершенно не в настроении для приключений, хотя произошедшее ее заинтриговало. Что бы это могло значить? Спокойно поднявшись со стула, Марина подошла к окну и подняла записку.

«Восхитительной панне Марине Мнишек, которая в одно мгновение ослепила мой взор, словно Царица, и сделала меня своим покорным, верным и до смерти преданным рабом» – прочитала она надпись на свитке.

Однако это совершенно неслыханно! Все естество Марины было возмущено. Что за наглец мог себе позволить такую глупость? Марина привыкла к вожделевшим ее поклонникам, поэтому этот поступок, совершенный неизвестным, не только не удивил ее, но и попросту разозлил. Разгневанная Марина хотела тут же выбросить писульку какого-то холопа, однако же, внезапно с удивлением для себя обнаружила, что слова, которые она прочла, были написаны не на польском языке. Это была латынь. Но... Откуда холопу может быть известна латынь? Это было совершенно невозможно! Неподдельный интерес заставил Марину развернуть сверток. В нем она прочла следующее:

«Прекрасная госпожа, прошу Вас, поверьте мне, я до безумия в Вас влюблен и готов по капле выпустить всю свою кровь, если это подтвердит Вам правдивость каждого написанного мною слова. Тусклый небосклон моей жизни был внезапно освещен Вами, словно ослепительной звездой. Я окрылен любовью к Вам. Вы заставили меня понять, что пришло время сбросить маску и раскрыть мое истинное имя. Нужно прекратить это жалкое владение существованием, которое навязал мне убийца моего отца и гонитель моей матери. Я должен смело встретить взгляд своей Судьбы и принять ее, чем бы она меня ни одарила – нежным поцелуем или губительным ударом, снова низвергнувшим меня, едва ожившего мертвеца, обратно в призрачное царство, из которого я высвободился ненадолго благодаря воодушевлению тени моего отца. Знайте, моя дорогая панна Марина, если бы я был тем, кем меня считает весь окружающий люд – Гжегошем, наемным хлопцем, или же Григорием, беглым монахом, я предпочел бы смерть от безответной любви к Вашему совершен-

ству, но никогда бы не осквернил своим убожеством Ваш слух. Однако мое истинное происхождение дает мне право обратиться к Вам как к равной себе, потому как я есть младший сын царя Ивана Васильевича по прозвищу Грозный, и Марии Нагой, жены его. Имя мое – Дмитрий Иванович. И если бы Судьба была ко мне более благосклонна, я восседал бы на российском троне и звался Дмитрием Первым...»

Марина не могла поверить своим глазам. Кто был этот наглец, написавший это трепетное послание? Безнравственный лжец или... царь всея Руси? Она тут же послала за сестрой своей Урсулой и ее мужем Константином и задумчиво опустилась на нежнейшую постель. Где мог видеть ее этот влюбленный в нее по уши человек, и видела ли его она? И тут перед ее мысленным взором пробежал небольшой эпизод, произошедший с ней сегодня. Она спускалась с лошади, чтобы выбрать себе собачонку, и ей помогал спуститься какой-то холоп. Внешность его она описать не могла, так как привыкла не обращать внимания на простой люд и прочий сброд, однако от нее не утаился его сладострастный взгляд, красноречиво передающий его мысли. Еще бы – мужской охотничий костюм так плотно облегал изгибы роскошного молодого тела Марины, что при виде этого смутился бы любой.

Марина знала о своей власти над сердцами и разумами мужчин и не придавала подобным происшествиям особого значения. Но было совершенно очевидно, что на сей раз дело обстояло куда серьезнее. Неужели этот холоп и есть тот самый Дмитрий, сын самого Ивана Грозного?.. Нет, не могло такого быть. То был самый обыкновенный холоп. Впрочем, автором этого письма мог быть кто угодно, красота Марины не оставляла равнодушным никого и нигде. Главным вопросом было сейчас другое – действительно ли некий Григорий, кем бы он ни был на самом деле, является наследником российского престола? И это ей предстояло выяснить в срочном порядке. В ее мыслях уже закружилось шикарное русское одеяние придворных дам, она, восседающая на троне в усыпанном драгоценными камнями платье... Как вдруг дверь внезапно отворилась, и в нее вбежала Урсула.

– Что случилось с тобой, сестрица моя? – бросилась та к Марине с беспокойством на едва отмеченном первыми морщинками красивом лице.

– Я не знаю, как это понимать, – промолвила Марина, передавая сестре распечатанный сверток.

Урсула молча прочла послание и, не проронив ни единого слова, передала его вошедшему вслед за ней мужу. К Константину подошел молча стоящий в комнате Адам, и они принялись за чтение свитка вместе.

Читая письмо, Адам немного хмурился. Молодые женщины тщательно вглядывались в его лицо и пытались распознать значение его выражения.

– Ишь как дело обернулось... – наконец произнес он, дочитав письмо.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовалась у него Урсула. Не понимала значения этих слов и Марина.

– Сегодня приходил ко мне монах Варлаам и просил меня нанести визит занемогшему наследнику русского престола – Дмитрию, которым является некий монах Григорий. Он помогал сойти тебе с лошади сегодня, – обратился Адам к Марине.

Да, это был он, тот самый холоп с совершенно неприметной внешностью. Разве мог он быть благородных кровей? Марина вновь попыталась припомнить черты его лица, однако вспомнить ей удалось только глубокий голубой взор, направленный на нее.

– И ты ходил к нему? – вопрошала заинтригованная Урсула.

– Не княжеское это дело посещать с визитом каждого самозванца! Это неслыханно! Я вышвырнул этого клеветника и приказал его выпороть. Но сейчас опасаясь, что несколько поспешил с выводами.

– Эту ситуацию нельзя оставить без внимания, – сказала ему Марина. – Нужно незамедлительно что-то предпринять.

– Несомненно, – ответил Адам. – Константин?

– Я думаю вот что, – молвил Константин. – Может быть такое, что парень врет. Может. Но только больно складно он врет, не находите? С другой стороны, это может быть и правдой. Чем черт не шутит! Я думаю, имеет смысл свидеться с ним и предоставить ему слово.

– Так и сделаем, – отвечал Адам. – Коли врет – казнь его ждет, а коли нет... Будет интересно.

Адам послал за Варлаамом и приказал ему вызвать к себе того самого Григория, или же Дмитрия.

Дмитрий незамедлительно появился в роскошном зале, где его ждали с расспросами оба брата. Но они были удивлены тому, как смело и убедительно холоп отвечал на все их вопросы. По итогу беседы они пришли к выводу, что парень говорит правду и надобно свести его с Юрием Мнишеком, отцом Марины.

Пан Юрий Мнишек был бы для так называемого Дмитрия наилучшим союзником в его авантюрном замысле, даже если бы тот и не влюбился в его дочь. Знакомство с непризнанным русским царевичем было для пятидесятилетнего мужчины в расцвете сил настоящим небесным даром. И его влюбленность в Марину пришлась Юрию как нельзя кстати.

История, которую поведал Юрию при знакомстве царевич, была просто невероятной. Но в то же время она была очень убедительна. По его словам, после смерти великого царя Ивана Грозного новый царь, коим стал Федор Иоаннович, изгнал в Углич жену Грозного Марию Нагую и ее малолетнего сына. Затем этого сына выкрали верные люди Ивана Грозного под предводительством его любимца Бельского. К делу были причастны Романовы, кои приходились родственниками первой жене Грозного – Анастасии. Они ненавидели Годунова и неистово жаждали власти. Бельский укрыл царевича в Нижнем Новгороде, где он пребывал по посланию воеводы. Там мальчика и воспитывали, а позднее передали патриарху Иове в Чудов монастырь, что в Москве. Здесь царевич стал послушником Григорием. А вместо него привезли в Углич Юрия, сына бедного боярина. Об этом было известно Марии Нагой. Покушение, совершенное по приказу Годунова, было совершено именно на него. Но брат Марии выходил раненного мальчишку, к которому за это время привязался и вывез его тайно из Углича к Александру Романову, боярину. А в самом Угличе был похоронен пустой гроб. Царю донесли о смерти царевича и шум затих. О дальнейшей судьбе Юрия царевичу было малоизвестно, однако вроде бы он обладал несговорчивым характером, чем и разгневал однажды Романовых. Те отправили его в послушники в тот же самый Чудов монастырь. И что самое удивительное – под именем Григорий.

Марина с интересом наблюдала за происходящим. Она до сих пор сомневалась в том, правду ли говорит этот голубоглазый парень. Однако она удивилась тому, что ее отец ничуть не усомнился в услышанном и тут же поверил царевичу.

Тогда Марина задумалась. К чему ей сомневаться? Этому молодому мужчине поверили оба князя Вишневецкие, а теперь еще и сам ее отец! И она решила отбросить в сторону все сомнения и позволить этому некрасивому, но поразительно обаятельному, светловолосому мужчине покорить ее сердце.

Марина играла с Дмитрием. Она ощущала полную власть над ним. То и дело она предавалась различным женским хитростям. Была то недотрогой, то кокеткой. То отталкивала его, то манила к себе. Обещала и тут же нарушала свои обещания. В ее руках он был марионеткой, просто куклой. Эта его мальчишеская влюбленность изначально носила какой-то роковой, безвозвратный характер.

Пятнадцатого августа 1604 года Лжедмитрий, подкрепленный польским войском, выступил в Москву. Народ, натерпевшийся от ненавистного Годунова, был этому даже рад. После внезапной кончины Бориса Годунова тринадцатого апреля 1605 года Дмитрия поддержал Петр Басманов, царский воевода, который колоссально влиял на войска. Лжедмит-

рия венчали на царство. После этого он вызвал к себе из Польши Марину Мнишек, которую намеревался сделать своей супругой.

Русский народ не был в восторге от брака их царя с еретичкой (Марина была католического вероисповедания, как и все поляки). Однако Лжедмитрия ничто не могло отвернуть от его намерений. Седьмого мая Марина Мнишек стала царицей великого Русского государства, а на следующий день – женой царя Дмитрия Первого.

Свадебное торжество проходило согласно православному обряду. Невеста была одета в шикарное русское одеяние. Марина была поражена той роскошью, в которую она внезапно окунулась. Россыпи драгоценных камней, породистые лошади, золотые кареты, укрытые бархатом... Все это даже пугало Марину. Но она была счастлива. Дмитрия она открыла для себя в браке с совершенно иной стороны. А уж как счастлив был Дмитрий! И в своем безграничном счастье они даже не подозревали о том, что конец их счастья – ужасающе близок.

Марине часто снился один и тот же сон. Он до ужаса мучил ее. В этом сне ее муж кричал о предательстве. Так было и в эту ночь...

Против Дмитрия русские бояре готовили тайный заговор. Его глава – Василий Шуйский, утверждающий, что был свидетелем смерти настоящего Дмитрия в Угличе, который не был убит, а зарезался сам. Дмитрий никогда не воспринимал всерьез слухи о заговоре. За что и поплатился.

К Марине, проснувшейся посреди ночи в холодном поту, в комнату ворвались слуги, кричащие о мятеже и о необходимости бежать. Марина не хотела бежать. Она не могла бежать. Она должна была дожждаться Дмитрия. Без него она не мыслила своей жизни. Она хотела укрыться в доме, однако в него ввалился бунтующий народ и буквально снес ее с ног. Он жаждал расплаты. В толпе был и Борис Нащекин, давний знакомый. Он сообщил Марине трагичную новость – ее муж был убит на Красной площади. Сон оказался пророческим. Быть может, не зря Марину так часто называли колдуньей среди толпы простого люда?

Дальнейшая судьба ее не интересовала. В этот момент она перестала жить. Она знала одно – она будет мстить. Будет мстить до конца. И она мстила.

Как только Дмитрий был свергнут, в царство был тут же призван Василий Шуйский. Марина не могла позволить, чтобы кто-то другой занял место ее мужа на престоле. Она должна была быть царицей, она имела на это полное право! Для достижения этой цели она была даже готова выйти за Шуйского замуж, однако у него были другие интересы.

Тогда Марина вышла замуж за Григория Отрепьева (того самого Юрия, который подменил в свое время Дмитрия в Угличе). Григорий вновь подменил Дмитрия – он распустил слухи о том, что Дмитрий не был убит, ему удалось спастись после мятежа. В этом браке Марина родила сына Янека, которого все, кроме нее, звали Иваном. Вместе с польским войском Лжедмитрий Второй выступил на Москву. Они с Мариной были нужны друг другу, чтобы добиться власти над Россией, и им не было никакого дела до того, что их с Шуйским жажда власти ввергла Россию в смуту. Эта смута их всех и поглотила...

Лжедмитрий Второй погиб. Шуйский скончался в польском плену. Но Марина продолжала борьбу. Она покорила сердце атамана Ивана Заруцкого и стала его женой. Бедолага, как и Лжедмитрий Первый, пал перед этой удивительной и отчаянной женщиной. Он сделал все для того, чтобы Марина и ее сын Янек снова заняли свое место на престоле.

Но все было бесполезно. В июле 1614 года, когда Россия находилась уже под правлением нового государя – Михаила Романова, в Москву были ввезены плененные мятежники: Заруцкий и Марина. С ними был и ее четырехгодовалый сынишка.

Несмотря на то, что маленький Янек, рожденный Мариной от Лжедмитрия Второго, не имел никакого отношения к роду Ивана Грозного, Романовы видели в нем угрозу – он мог унаследовать престол. Этого нельзя было допустить, и Михаил приказал повесить мальчика.

Казнь детей этого возраста на Руси была запрещена, однако Михаил велел сделать исключение.

Веревка была слишком толстой для того, чтоб передавить тоненькую шейку Янека. После нескольких попыток повешения, опытный палач покончил с делом точным ударом топора. Заруцкий был посажен на кол.

Марина была сильной женщиной, но этого она пережить не могла. После того, как любимый муж покинул ее, всю свою любовь она вложила в своего сынишку. Он был всей ее жизнью. И его зверски казнили. Она никогда этого не простит этого бесчеловечного поступка. Позже Романовы пожалеют об этом своем бесчеловечном поступке, но будет уже слишком поздно.

После смерти сына, не пережив такой потери, Марина вскоре скончалась от тоски по нему в коломенской темнице, где сидела долго в заточении.

– Я проклиная тебя, Михаил Романов, – шептала она в предсмертном бреду. – Я проклиная весь твой род! Пусть ни одному Романову не будет суждено умереть своей смертью! И пусть убийства продолжаются до тех пор, пока не вымрет весь твой род! – промолвив это судьбоносное пророчество, Марина Мнишек испустила последний дух.

Однако же некоторые очевидцы утверждают, что Марина вовсе не погибла. Она превратилась в черную сороку, свою любимую птицу, и полетела по миру. Ведь она была колдуньей, и это было ей подвластно.

Глава 2

Судьбоносное предчувствие

На дворе стояла весна 1616 года. Михаил собирался на осеннюю соколиную охоту. Борис и Михаил Салтыковы занимались подготовкой лошадей, соколов и своры. Двигаться должны были в Бутырки, на север. Однако утром Михаил переменял свое решение и приказал выдвигаться в Коломну.

– Царь батюшка, подготовлено ведь уже все на Бутырки, Вы ж сами велели, – попытался переубедить Михаила Борис. – Зачем внезапно замысел менять?

– Бориска, видел государь твой сегодня дивный сон, – отвечал ему Михаил. – И так хорошо ему в том сне было! А снилась ему охота предстоящая, охота в коломенских землях. Вот увидишь, Бориска, на славу повеселимся!

Пребывающий в недоумении Борис удалился выполнять царскую волю. Как только шаркающие шаги Бориса затихли вдаль, в устланной коврами гостинице отворилась потайная дверь, о которой знали только свои. Из-за отворившейся двери показалась бесшумно вошедшая облаченная в черное одеяние Евникия Салтыкова, монахиня и смиренная странница.

Евникия перекрестилась на пороге на образа и молвила:

– Государь, я держу свой путь из самого Вознесенского монастыря по посланию самой матушки-государыни инокини Марфы Иоанновны. Она велела сообщить Вам, сударь, свою волю. Ей было угодно, чтоб сыночек ее сегодня никуда не отлучался в связи с назначенным на сей день малым семейным советом, – монахиня спешно перекрестила Михаила и, не дав ему сказать ни слова, удалилась так же бесшумно, как и пришла.

Раздосадованный Михаил шумно опустил на лавку. Он снова почувствовал себя дитем при материнской юбке – матерью был назначен совет, а его об этом уведомили в последнюю очередь. А между тем, уже три года, как Михаил Федорович Романов был царем российским. Он был первым царем из рода Романовых, занявшим престол после Рюриковичей, венчанным и благословенным фамильной Федоровской иконой. Родители же его, Марфа и Федор Романовы, благочестивые бояре, приняли монашество, а его отец стал патриархом Филаретом.

Из-за стен слышался собачий лай и радостный перезвон конских уздечек. А нарядные хоромы пребывали в тишине, здесь было тихо и тепло, и утренний нежный свет пробивался сквозь слюдяные окна. Он освещал красочные ковры, лежащие на полах, темные стены, обитые мореным дубом, замысловатые изразцовые печи, уже протапливаемые прохладными сентябрьскими ночами. Делать было нечего. Михаил пригладил рукой свои русые кудри и бородку, затем перекрестился на образа и громко звякнул в колокол.

– Государь велит отменить охоту и в срочном порядке собираться на молебен в Успенский собор, – сказал он вошедшему в зал.

С какой стати матери его вздумалось собирать малый совет? Не по какому-то ли в очередной раз ею придуманному поводу? Однако поводом могло быть и получение вестей от отца из Польши, ведь уже не первый год он пребывал в польском плену. И во время его заточения фактически страна находилась под властью матери Марфы Иоанновны. А он, Михаил, царь российский с шестнадцати лет, несмотря на все свои старания казаться самостоятельным, по сей день был для нее покорным и незлопамятным мальчишкой. Мать вложила в него всю свою душу, объездила с ним интересные заморские страны, брала повсюду с собой в паломничества – и к Троице, и к Святому Николе. Но сегодня, когда Михаил был царем, мать не жила в Кремле. Она проживала в келье Вознесенского монастыря, и окружали ее

верные ей монахини. Хотя, безусловно, имела она и отдельное подворье. Марфа Иоанновна была очень умна, однако и влиянию хорошо поддавалась. К примеру, наперсницы Евникии. В свите Марфы она была любимицей. Благодаря этому ей удалось продвинуть двух своих сыновей – братьев Салтыковых – в приближение к молодому царю.

Наступил вечер. Малый придворный совет был собран, И Марфа Иоанновна начала свою речь:

– Сегодня я получила невеселую весточку от Филарета из Польши. Однако не только она является причиной нашей сегодняшней с вами встречи, – молвила она, остановившись взглядом на сыне своем Михаиле. – Всем нам известно о том, что государю всея Руси вот уж пошел двадцатый год, – загадочно продолжала она. – Не разделяете ли вы вместе со мной мысль о том, что пришло время государя Михаила Федоровича женить?

От удивления Михаил чуть было не поперхнулся. Но старался не подавать виду, дабы не подвести маменьку. Он стал с интересом слушать долгие и рассудительные истории его придворных и ближайших родичей, после чего ему стало понятно: этот разговор был неожиданным только для него. На самом же деле, за его спиной все уже давно было предreshено. Он поглядел на напряженное бледное лицо его матери, обрамленное черной схимой, и понял, что его мнение было никому не интересно. Нужно было соглашаться.

И вот Москва вся закружилась и завертелась. Были объявлены царские смотрины невест, на которые попеременно прибывали все новые и новые тарантасы, повозки и обозы. Девы были самыми разнообразными – и бедными, и богатыми, и боярскими, и дворянскими дочерьми, с шикарным приданным, и без него. Попытать счастья хотели все. Кто-то ехал с челядью и огромными сундуками нарядов, кто-то налегке. Прибыла ко двору и семья Хлоповых – худородные бояре из Коломны. Дочь их Марья особой надежды не хранила, просто приехала погостить к своей бабке.

Вот и наступил долгожданный день смотрин. Несмотря на всю торжественность события, Михаилу было невесело. Он был строг и печален, чем очень выделялся из окружающей его толпы. Внезапно его угрюмый взгляд зацепился за нежное девичье личико, пребывающее в толпе скромниц и красавиц. Девчушка была голубоглазой, и все было при ней. Фарфоровый румянец еще более оттенялся белой «косой до пояса». И совершенно неожиданно для себя Михаил понял – это была Она. Его покорила ее простой, светлый и сочувственный взгляд. Он видел в нем не желание девушки похвастаться и выделиться из толпы, а сочувствие к нему, так озадаченному предстоящим принятием важного решения в его жизни.

– Кто эта белокурая девица с печальным взглядом? – спросил Михаил у второго брата Салтыкова.

– Это Марья Ивановна Хлопова, из Коломны. Дочь провинциального дворянина.

Ну надо же! Ему тут же припомнился сон, который он давече видел о Коломне. И снова Коломна... Тогда он не смог ее посетить по причине прихоти его матери. Однако в этот раз все будет так, как пожелает он.

Смотрины подходили к концу. И молодой царь взял слово:

– Государь именует своею царскою невестою Марию Хлопову!

Девица, услышав эти слова, побледнела и едва ли устояла на ногах. Между тем, не обращая на это никакого внимания, царь продолжал:

– До свадьбы она должна быть определена в женский терем дворца. Ей положено оказывать почести, подобно царице. Во всех православных храмах ее положено поминать «за здравие». Дворовые должны целовать ей на верность крест, подобно царице. Родня же ее – отец и дядя с семьями и челядью – отныне переводится в Москву. Почитать их надобно как царских родственников.

И с этих пор зажил Михаил совершенно иной, самостоятельной жизнью. Он близко сошелся с семейством Хлоповых, которые были рассудительными и простодушными

людьми. Он включил их и в царский совет и в свиту, часто советовался с ними по разным поводам. И взревновали его приближенные братья Салтыковы, злобу затаили тайную.

– Мать, чего ты добилась этим? – спрашивали они Евникию. – Нынче Салтыковы стали везде от заду первыми.

Глава 3

Зловещий заговор

Как-то в Оружейной палате приключилась примечательная история. Михаил хвастался перед заморскими послами своей коллекцией оружия. Более всего он гордился одной своей заморской саблей.

– Да что особенного? – возмутился стоящий в свите Михаил Салтыков. – Наши запросто смастерят Вам саблю получше!

– Так ли это? – усомнился в словах Михаила царь. – А ты что на это скажешь, Гаврила? – обратился он к Хлопову, Марьиному дяде.

– Покрасивее сделают, это верно, – простодушно отвечал тот. – Однако же эта изготовлена из дамасской стали, а ее нам пока не переплунуть, – закончил Гаврила.

– Я тоже так считаю, – кивнул ему в ответ государь.

И озлобился Салтыков, не ожидая подобной дерзости. Когда он вышел из палат, то тут же набросился на несчастного Хлопова с руганью. А вечером отправился к Борису в боярские палаты на совет. Вызвали туда же и Евникию.

В эту ночь долго не гасли окна у них. И было решено Салтыковыми удалить со двора невесту царскую, а заодно и всех Хлоповых, дабы вернуть все на свои места.

Действовать было решено через государыню Марфу Иоанновну. Кроме того, им было известно о ее недовольстве невестой Михаила. Марья не оказывала должного внимания ей, не навещала в монастырь к ней за советом, не припадала, не кидалась к ручке. Быть может, Хлоповы не подсказали ей, как надобно вести себя с государыней? Девушка вроде гордостью не отличалась, однако же на приемах и на молебнах держала себя уж больно величаво и самостоятельно. Как будто она уже была царицей. И нарядами не была увлечена. Бывало, Марфа отправит ей наряд дорогой парчовый. А Марья только откланяется в благодарность, да и в сундук сразу же его и спрячет. А приемы посещала всегда в своем, в одном и том же. Может быть, оттого, что была Марья скромна да простодушна. А может быть, просто сопротивлялась Марья тихо материнской воле и желала поставить вперед свою. Человеческая душа таит очень много тайн и секретов...

Однако разлад никогда не был желателен в любой семье, а уж тем более – в царской. Да тут еще и Михаил совсем некстати стал на себя слишком много воли брать и совсем о матери своей позабыл. Ожидая свадьбы, даже посоветоваться ни разу не приехал. Чуть что случится – он сразу в терем, к Марье своей ненаглядной. Всеобщее недовольство будущей царицей сменила тихая ненависть. А молодые жили только ожиданием свадьбы и ничего о том не ведали...

Случилось однажды неожиданное. Здоровая и юная девушка внезапно заболела. И недуг приключился с животом. Марья совсем слегла. Время шло, а царской невесте становилось все хуже и хуже. Даже съесть она ничего не могла – все рвотой оканчивалось.

Хлоповы напуганы были этим до смерти и поначалу все скрывали. Марью ограничивали в еде, особенно в сладостях, очень милых ее сердцу. Однако утаить болезнь невозможно. Приступы болезни то утихали, то обострялись. Марья совсем исхудала, побледнела и занемогла. Встречи с женихом стали крайне редкими. Девушка никуда не выходила из своего терема, только и делала, что молилась в часовенке. Михаил совсем растревожился и попросил братьев Салтыковых проведать, что происходит с Марьей. И в случае, если у нее со здоровьем что-то приключилось, немедленно вызвать к ней хорошего доктора. И «верные» царю Салтыковы так и поступили.

– Здесь мне диагноз ясен, – произнес заморский доктор Валентин. – Я назначу вам лекарство для желудка, и выздоровление настанет уже к концу этой же недели. А государю передайте, – обратился он уже к Салтыковым, – что сия хворь никоим образом не повлияет на чадородие сударыни.

Михаил, услышав такую радостную новость, возрадовался и успокоился. Ведь Марьюшка была для него дороже всех на свете.

Но братья Салтыковы совершенно не спешили лечить невесту царя. Заморского лекарства Марья отведала всего два раза. И здоровье снова начало ее покидать. Это показалось странным государю. И тогда он собрал врачебный совет. Однако матушка его, Марфа Иоанновна, держалась от всего этого в стороне.

– Ну, матушка, что теперь велишь делать? – занервничали братья Салтыковы. Евникия задумалась на пару минут, затем молвила:

– Вызовите в терем нашего доктора, Балсыря, пускай он осмотрит невесту.

– Печеночная желтуха, – диагностировал Балсырь, окончив осмотр Марьи. – Однако нет повода для беспокойства, эта хворь излечима.

На совете, кроме самого государя и Марьи, присутствовали все Салтыковы и Хлоповы. Салтыковых обозлила эта ситуация, и они отослали доктора прочь.

– Не надобно нам Ваших лекарств, Марью Ивановну мы вылечим и без посторонней помощи, – вполне решительно заявил Борис Салтыков. Михаил Романов хотел было возразить, но не успел. Борис продолжал:

– Мне известно верное средство. Пускай отец ее бежит в аптеку и возьмет там специальную склянку чудодейственной настойки на водке. Принести эту склянку должен именно отец, и передать ее Марье надобно именно из его рук. И тогда и аппетит у нее появится, и тело у нее поправится.

Семья Хлоповых выслушала все это, да и удалилась молча. Однако ни за каким чудодейственным лекарством бежать никто и не собирался. Уж больно не доверяли Салтыковым Хлоповы.

– Неспроста сие с Машенькой приключилось, ой неспроста, – недовольно покачивал головой Иван Хлопов.

– Ясно как белый день, что неспроста! – вторила ему супруга. – И виной тому – эти Салтыковы проклятушие, или не стоять мне на этом месте! И без Евникии тут дело не обошлось. То и дело шастает она черной тенью в терем к Марьюшке вместе с мамушками своими, свадьбу сорвать пытается. Порча это! Порча и лихое действо, к гадалке не ходи!

– Тогда мы так поступим, – заключил после затянувшегося молчания Иван. – С сегодняшнего вечера каждый раз перед едой, с утра, а также на ночь, будем приносить Машеньке святую воду и поить ее. Кроме того, будем псалмы и молитвы читать. Не переставая! А под подушку надобно положить ей безуй. Это сильнейшее противоядие должно пойти ей на пользу.

И семья Хлоповых дружно принялась исполнять отцовскую волю. От Марьи они не отходили ни днем, ни ночью.

В это время Салтыковы явились к Михаилу. Марфа Иоанновна была подле него.

– Государь, мы должны Вам сообщить то, что узнали сегодня от Балсыря, – обратился к царю Михаил Салтыков. – Новость крайне прискорбная, однако, отлагательств не терпит. Марья Ивановна больна, и больна смертельно.

Романов пристально смотрел Салтыкову в глаза, не веря ни единому его слову. Этого просто не могло быть! Только не с ним! Только не с его Марьюшкой! Но продолжал терпеливо слушать его слова. Тем временем Салтыков продолжал:

– Одолела ее редкая и неизлечимая болезнь, которая в скором будущем приведет к неминуемой страшной смерти. Такая же история приключилась ранее с другой его пациенткой, которую он лечил в Угличе.

После этих слов царь поменялся в лице несколько раз кряду. Он молча удалился и предпочел остаться наедине с собой. Он не мог понять, как он это допустил. Ведь все свое внимание, всю свою заботу он сосредоточил вокруг Марьи. И заморский врач не помог, и Балсырь оказался бесполезным. Но не мог он с этим ужасающим фактом смириться, не хотел он верить, что новость, которую ему поведал Салтыков, – правда. И не верил. Михаил твердо решил что-то предпринять и вытащить Марью из этой внезапно обрушившейся на них обоих беды. Но что? Что он мог предпринять? Ведь все, что полагалось делать в таких случаях, он уже сделал. А теперь его из-за страшной хвори, приключившейся с Марьей, даже наверх, в женский терем, не допускали. Заметался он из угла в угол по своим палатам в поисках спасительного решения, однако придумать ничего не мог.

Однако матушка его придумала. Марфа Иоанновна, не обсуждая ничего со своим сыном, созвала срочный боярский совет.

– Нехорошая болезнь осквернила кремлевский терем, – обратилась она к собравшимся. – Ужасающая смерть надвигается на него. И негоже нам этого допускать, – закончив свою речь, Марфа многозначительно посмотрела в сторону Хлоповых. И все было понятно по этому взгляду. Эта речь означала вовсе не то, что Марфа собиралась положить все свои силы на выздоровление Марьи. Эти слова говорили о том, что Марьины дни в кремлевском тереме были сочтены.

– Невенчанная дева не должна умереть здесь, – добавила она.

– Не бывать этому! – горячо выкрикнул в ответ Иван Хлопов. – Сударыня, я должен Вас уверить в том, что наша Марьюшка с самого детства отличалась отменным здоровьем, никогда ни единая хворь не могла ее одолеть.

Так и в этот раз будет, господа, я прошу вас, поверьте мне! Марья очень скоро будет здоровее любого из нас! – закончил Иван, обращаясь уже ко всем присутствующим боярам.

– Решение принято, – постановили бояре. – Государева свадьба и все ведущиеся к ней приготовления необходимо срочно отменить в силу непрочности Марьи Хлоповой к царским радостям.

– Но позвольте! Так ведь нельзя! Все скоро переменится! – не унимался Иван. – Это большая ошибка! Это решение нужно обсудить с государем!

Однако решение было принято и более не обсуждалось. Невесту, которой, очевидно, не суждено было стать женой, свели сверху и не позволили ей даже пожить у ее бабки на подворье, дабы предотвратить возможные встречи с государем. Марья в срочном порядке была сослана в дальний город Тобольск. И не дозволено ей было даже поехать вместе со своими родителями, в ссылку она отправилась вместе со своей бабкой, коломенскими тетками и дядьями Желябужскими.

Глава 4

Надежда на счастье

Михаил был убит горем. Он не мог никого видеть, ни с кем разговаривать, ему не было никакого дела до всего, что происходило вокруг. Более того, кипящая и бурлящая вокруг жизнь его раздражала. Ему хотелось, чтобы все вокруг остановилось и замолкло. Буквально вымерло.

– Да ты не переживай, Мишенька, – успокаивала его мать. – Никто не виноват в том, что такое несчастье с тобой и с девицей несчастной приключилось. Значит, так уготовано было ей самой судьбой. Мы не ведаем о том, какой путь нам намечен Господом.

– Так и есть, государь, так и есть, – вторила ей Евникия. – На то была воля Божия, и никак иначе.

– Ты пойми, Мишенька, – продолжала Марфа, – не было здесь другого выхода. Подумай, ведь негоже это – из дворца гроб выносить. Сделано было все точно так, как положено, по-божески. Не грусти ты оттого, что без невестушки своей остался. Мы тебе скоро новую сыщем. И поверь моим материнским словам – будет она у тебя знатной красавицей, другой такой вовек не сыщешь! А здоровья у нее будет, как у кобылицы! Детишек тебе народит много, ладных и здоровых. И будут твои наследники такими же, как и весь род Романовых, и как она сама – крепкими. Более того... – загадочно произнесла Марфа и немного помолчала. – Кое-кого для этой роли я уже заметила.

Но Михаила такое решение не устраивало. Никого другого не желало его сердце. Поэтому втайне от матушки своей он интересовался Марьиным здоровьем. И надеялся. Очень сильно надеялся, что все наладится, и они все-таки смогут еще побыть вместе на этом свете.

Возможно, именно это и помогло Марье, проживающей в Тобольске на небольшом подворье со своими родными, очень быстро поправиться. Все только и диву давались – что ни день, то Марьюшке лучше. Щечки порозовели, улыбка на личике появилась. Марья свою судьбу приняла с готовностью. Ни на что не жаловалась она, довольствовалась своими пятью предписанными копейками в день да улыбалась всем вокруг. Родичи глядели на нее и понять не могли:

– Марья, да что же это за жених у тебя такой, который при первой же беде тебя от своих глаз подальше отослал?! – то и дело сетовали они.

– Значит, так было угодно Господу, – улыбалась им в ответ она. – Как знать, может он от меня какую другую беду отвел таким образом?

И, возможно, она была права. Марфа Иоанновна с Евникией не отступились бы просто так и продолжали бы перечить всякими способами намеченной свадьбе. Так она, по крайней мере, осталась жива и могла бороться за свое право на счастье.

Михаил быстро проведал о скором выздоровлении Машеньки и тут же позаботился о том, чтобы зимой 1619 года его любимая вместе со своим семейством была перевезена в Верхотурье. Там ее уже ждало роскошно отстроенное немалое поместье, о строительстве которого предусмотрительно позаботился Михаил. Но из-за старого предписанья, запрещающего ей оттуда отлучаться, встретиться они так и не могли. Там Марья прожила год, после чего ее тайно вывезли в Нижний Новгород под именем Анастасии.

Как ни старался Михаил, как ни горевал, не смог он добиться большего для Машеньки. Он стал совершенно нелюдим, неприветлив, осунулся совсем, а мать свою и Салтыковых стал и вовсе избегать. Понял Михаил, где корни всех бед его, и боялся, как бы чего нового они не придумали. А Марфа Иоанновна вины за собой никакой не чувала. Богомольная и бла-

гочестивая, стала она молиться об исцелении души сына своего со всем своим монастырем, а по храмам заказывала о Михаиле молебны. Волновалась она о царе, переживала за него, однако вовсе ей это не мешало упрямо и бесстрашно править всей Россией. Таким образом, при дворе снова наладился прежний порядок. Как и рассчитывала Марфа. Теперь царский двор был обеспокоен только одним – ожиданием возвращения отца-государя из плена.

Прохладным июньским утром 1619 года звон колоколов разбудил весь Кремль. Красиво и величаво он раздался по зеленым просторам, поплыл над всей Москвой-рекой! Этот радостный звон увещевал о долгожданном возвращении патриарха Филарета из Польши. Новое время было уже не за горами.

Филарет гордой походкой вошел в покои Михаила. Михаил не верил своим глазам.

– Как долго, батюшка, как же долго я этого ждал! – бросился он в ноги отцу, не скрывая своих слез радости. Он знал, он чувствовал, что отныне начнется новая эпоха в правлении Романовых – эпоха справедливости. И все в столице этого ожидали. Давно уже пора было менять прежний уклад.

Так и случилось. Мудрость Филарета, сразу же взявшего в свои руки все дела, повела царский двор иным путем – спокойным и справедливым. Салтыковы быстро утратили свое влияние при дворе. Только Евникия так и осталась подле Марфы Иоанновны.

Как только Филарет уладил все неотложные дела государственного значения, пришла очередь Михаила. И снова, как и в день своего приезда, Филарет явился в его покои.

– Сын мой, настало время обсудить нам серьезный вопрос. Я считаю этот разговор мужским, поэтому позаботился о том, чтобы нас в ближайшее время не беспокоили, – обратился он к Михаилу.

Михаил восхищался своим отцом. Этот человек был действительно мудр, поэтому разговоры с ним всегда доставляли ему удовольствие.

– Слушаю Вас, батюшка, – ответил он.

– Давай-ка мы присядем, разговор серьезный. – Филарет направился в сторону красивых обтянутых бархатом красных кресел. Михаил присоединился к нему.

– Я смотрю, ты весь сам не свой в последнее время, – продолжил он. – И мне кажется, причина тому мне известна.

Михаил не отвечал. Его сердечная боль давно изменила его облик, но разговаривать об этом он не любил. И хотя рядом с ним сидел его отец, с которым он с радостью делился всеми своими счастьями и несчастьями, плакаться ему он не хотел, дабы не показаться малодушным. Он знал, что отцу не может быть известна причина его горестей, однако хотел услышать его версию.

– Наступило время, когда пора укреплять страну и свое властвование над нею. Негоже молодому царю у престола одному оставаться. Одиночество совсем тебя поработило и вогнало в уныние. Жена тебе нужна.

Михаила на этих словах перекосило всего. Такого поворота от отца он не ожидал. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что доживет свой век без Марьи, а теперь ему предлагали искать новую невесту. Снова. Сердце защемило у него в груди и готово было сию же минуту разорваться на части. Филарет смотрел на сына и не понимал, что означает такая реакция. Неужели же женитьба не входила в его жизненные планы? И, тем не менее, он продолжал:

– Я думаю, польская царица смогла бы возрадовать твою душеньку... – он хотел было продолжить дальше, но запнулся – на лице царя он увидел покотившуюся слезу. Нет, это не могло не иметь серьезных оснований. И Филарет замолчал в ожидании того момента, когда молвит слово его сын и прольет свет на происходящее.

– Не бывать тому, батюшка, – молвил, наконец, Михаил. – Не надобно мне ни польской умницы, ни французской красавицы. Мне суждено коротать свой век одному.

– Однако что ты говоришь такое, сын мой? – возмутился всем естеством своим Филарет. – Ничего такого тебе не суждено! Тебе суждено быть мудрым правителем, счастливым мужем и добрым отцом своим детям!

– Нет, батюшка, – твердил Михаил. – Не знаешь ты многого о судьбе моей и, видит Бог, я не хотел, чтобы узнал.

Филарет остолбенел. Что за история приключилась с его сыном за время его отсутствия?

– Говори, сын мой. Все как есть говори. И мы рассудим по справедливости, как надобно здесь поступить. И ежели это будет твоим решением – то так тогда тому и быть... – не успел Филарет окончить, как разразился Михаил горькими слезами. Он поведал ему всю свою несчастную историю о любви своей, никому не угодной, о заговоре против невесты его ненаглядной, о ссылке ее несправедливой.

Филарет был потрясен.

– Сын мой, нелегкая доля тебе выпала, – сказал он, осмыслив немного услышанное. – Но не печалься, я немедленно займусь этим вопросом.

Глава 5

Тяжелый выбор

Филарет сдержал свое слово. Как только он удалился из палат государевых, он назначил расследование. Для этого он вызвал к себе отца Марьи, Ивана Хлопова, и коломенских дядьев Хлоповых. После чего он опросил в присутствии священнослужителей и архимандрита Иосифа заморского врача Валентина и лекаря Балсыря.

– Скажите, господа, как такое могло случиться, что пациентка ваша, которой вы смертный приговор приписали, жива-здорова оказалась?

– Я и тогда утверждал, и сейчас утверждаю, что Марья Хлопова никогда не была смертельно больна, – решительно заявил Валентин. – И никакого отношения к чадородию хворь ее не имела тем паче.

– Не могу знать, чем болела Марья Ивановна при осмотре многоуважаемого врача Валентина, однако же при моем осмотре она была действительно тяжело больна, – произнес в свою очередь Балсырь. – Но предписанное мною лечение быстро поставило бы ее на ноги, болезнь ни в коей мере не была смертельной. И я полностью согласен с тем, что чадородие здесь совершенно не при чем.

И Филарету стало все ясно. Заговор здесь был налицо.

– Не медля выслать Салтыковых вон из Москвы в самые дальние вотчины, лишив их любого имущества! – приказал он.

Салтыковы горько раскаивались в своих злодеяниях и молили патриарха о помиловании, однако Филарет был беспощаден.

– Сын мой, теперь твой путь к невесте своей наглядной свободен! – ворвался Филарет в покои Михаила с радостной вестью.

Как же счастлив был Михаил! Он не находил себе места. Он уже видел, как входит в Кремль, ведя под руку душеньку его, Марьюшку, в красивом подвенечном платье. Тут же Михаил достал бумагу и принялся писать депешу в Новгород. Филарет оставил его с этим занятием наедине. Но это было очень неосмотрительно с его стороны...

Черная тень вошла в царские покои и нарушила опустившийся на них ночной покой. К государю явилась сама Марфа Иоанновна. И не предвещало это ничего хорошего ему.

Марфа вошла безмолвно и стала посреди палаты. Ее фигура была чернее ночи, и только два решительных глаза сверкали решимостью. Наконец, она решилась произнести речь:

– Слушай мои слова внимательно, Михаил, и запоминай. Повторять не буду, – тихо и страшно произнесла в конце концов она. – Ежели Хлопова твоя станет московской царицей, ты тот час же проводишь гроб своей матери на погост.

Эти ее жестокие слова пробрали Михаила до дрожи. Но Марфа еще не закончила свою ужасающую речь:

– Если же эту трагедию мне пережить удастся, я навсегда покину Русь, и ты, сын мой единородный, более свою мать никогда не увидишь. И будешь проклят мною – как на земле, так и на небесах, – отрезала она и, махнув, словно черный ворон крылом, своим саваном, вышла из палаты твердой поступью, не дожидаясь ответа государя.

Этой ночью Михаилу было не до сна. Он думал о многом. С одной стороны, его манила к себе депеша, дарующая долгожданное счастье. Оно было так близко! На расстоянии всего пары шагов. С другой же стороны, его не оставляли мысли о матери. Он понимал, что эти ее слова были вызваны лишь ее беспокойством о нем самом, о сыне ее родном. Не сказала бы она такого никогда, если бы не сомневалась в невесте царской глубоко и серьезно. Он понимал, как непросто матери говорить такие слова сыну своему, знал о муках и страданиях,

перенесенных ею во время принятия такого решения. Разрывался Михаил. Между двумя женщинами разрывался. И не мог он выбирать между ними, ибо разные места они в его сердце занимали.

В ноябре 1623 года Хлоповы получили грамоту следующего содержания: «Великий государь не соизволяет взять в жены Марью, дочь Ивана Хлопова. Иван теперь должен один возвратиться в свою родовую вотчину – в Коломну. Марье же и впредь положено оставаться в Нижнем Новгороде, принимая тамошнее имение спасителя Руси Кузьмы Минина, некогда вымороченное в казну». Подписана грамота была самим Михаилом Романовым.

Неизвестно было Хлоповым, как дорого далась ему эта грамота, через какие муки душевные ему пройти довелось, чтобы подписать ее. Однако выполнить предписание государя они были обязаны.

Ничему не удивилась Марья, когда отец показал ей эту грамоту. Она уже давно смирилась с тем, что не быть ей вместе с любимым больше никогда. А в душе продолжала любить его нежной любовью. И знала, что любить его будет до последнего дня своего. Попрошалась она с отцом своим и села у камина. Желтые языки пламени нежно ласкали ее взгляд. Марья любовалась ими и думала о своей судьбе. Не о плохом думала, думала о хорошем. Вспомнила теплые денечки, приведенные подле милого своего, их прогулки под луной, его частые визиты к ней в терем... Ни на что она бы не променяла эти воспоминания. Слишком дороги они были ее сердцу. Весь смысл ее жизни заключался в них.

Тем временем о произошедшем стало известно отцу Михаила. Злость его взяла безграничная!

– Как ты мог допустить такое?! – кричал он ему. – Ты неужели не помнишь, как плакался мне о том, что не быть тебе счастливым в этой жизни без Марьюшки твоей? Что она тебе судьбою предназначена и никого другого подле себя ты видеть не сможешь? Сколько сил я приложил к тому, чтоб расследование провести и всех на чистую воду вывести! И вот она, благодарность твоя великодушная? Не сын ты мне более. Не может мой сын быть таким малодушным.

И сделалось Михаилу еще хуже на душе от услышанного. Но поправить уже ничего было невозможно. Марья уже получила горькую грамоту. Слово Марфы снова верх взяло.

И не только в этот раз. Позднее, в 1624 году, по подсказке Евникии Марфа женила сына на дочери знатного и зажиточного князя Владимира Тимофеевича Долгорукого – Марии.

Празднование пришлось как раз на Новый год, на Рождество Богородицы (тогда этот праздник справлялся в сентябре). Михаил шел под венец под руку с Марией. Да не с той Марией, с которой он так хотел под него идти. Свадьба была по-царски роскошной, но поспешной. И каково же было удивление Михаила, когда на следующий же день после того, как он сочетался с Марией семейными узами, он узнал, что ее постигла серьезная хворь.

Что-то неладное творилось в Доме Романовых. Болезнь Марии развивалась очень быстро, она почти сразу же слегла без сознания, а по прошествии трех месяцев и вовсе покинула мир земной. И снова по двору пошли слухи, что дева была испорчена злодеяниями различными.

Один Михаил, казалось, и не был вовсе удивлен. Он точно знал причину случившегося с Марией. И вовсе не злодеяния были тому виной, это было наказание Романовым за Марью Хлопову, за предательство, которое они ей учинили. Хотя не исключал он и того, что это могло быть отцовское проклятье – отец Филарет был не на шутку разозлен отказом Михаила от Марьи. Не думал он только о том, что дело здесь могло быть совершенно в другом. Позабыл он о Марине Мнишек, сына которой он так зверски казнил, боясь потерять престол. Не было ли все происходящее знаком того, что пророчество, произнесенное ею перед смертью, обретало силу и начинало сбываться? Так или иначе, Мария Долгорукая почилла, и этого было уже не изменить.

Михаил Федорович снова остался один. С готовностью он встретил свое наказание – одиночество и был готов ему не сопротивляться. Пока спустя два года, в 1626 году, его снова скоростижно не женили. Но на этот раз все проводилось под строгим присмотром отца Филарета. Он позаботился о том, чтобы третья царская невеста, дочь незнатных дворян Евдокия Стрешнева, попала в царский терем всего за три дня до свадьбы. Так он хотел избежать возможных черных козней, которые уже постигли обеих прежних государевых невест. Пышная и не очень веселая свадьба состоялась. И далее все пошло своим чередом.

Глава 6

Скорбящий призрак

Убитый горем царь Алексей, сын Михаила Романова, сменивший его на русском престоле, не находил себе места. Его любимой больше нет... Он не мог в это поверить. В его голове просто не укладывалось, как женщина, прожившая с ним до его сорокалетия и родившая ему тринадцать детей, могла его покинуть. Покинуть навсегда... Третьего марта 1669 года Марии Милославской не стало.

Она прожила с Алексеем двадцать лет. Алексей был крайне неординарным человеком, отличающимся от всех его предшественников. Но она всегда была рядом с ним.

Теперь ему нужно было жить дальше. Без нее, одному. Не мог он себе представить, как ему это удастся. Только глядел в серое небо, стоя у окна, и грустно улыбался своим мыслям.

– Смотри, какая погода гадкая. Приятная картина. Такая же, как у меня внутри, – промолвил, не оборачиваясь, Алексей сидящему позади него человеку, сложившему ногу на ногу.

Человек казался задумчивым. Но в то же время, возможно, он только хотел таким казаться. Это был близкий друг Алексея, Артамон Матвеев, который приехал поддержать Алексея в трудную минуту. Сам он был человеком тихим и спокойным по натуре, очень трудолюбивым. Алексей любил посещать Артамона, чем вызывал полное недоумение среди своих знатных сородичей. Чем этот совершенно незаурядный человек мог быть так интересен великому царю?

– Держу пари, что уже завтра будет солнечно. Как и в твоей душе через время. Мария была удивительной женщиной, но не стоит хоронить себя заживо. Я и моя семья скорбим вместе с тобой, в тяжелую минуту ты всегда можешь обратиться к нам за поддержкой. Однако жизнь переменчива, не забывай об этом. Плохое всегда сменяется хорошим, – отвечал Артамон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.